

Научная статья

УДК 101; ББК 87.000.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-92-97

«АБСОЛЮТ» КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ (часть 1)

Олег Владимирович Тарасов

Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал), г. Стерлитамак, Россия, ovtarasov@mail.ru, 0000-0002-0250-5788

Аннотация. Цель данного исследования, состоящего из двух частей, – способствовать решению проблемы определения предмета научной философии. В первой части на основе неабсолютистской или научно-позитивистской (рационально-критической) методологии критикуются широко распространенные концепции абсолютистского характера. В таких концепциях предметом научной философии считается «абсолют» («всеобщее», «мир в целом» и т.п.) как подлинное сверхпонятийное бытие. Показывается, что абсолютистский подход вызывает множество вопросов и сомнений, что делает названную проблему актуальной.

Ключевые слова: предмет научной философии, абсолютистское и неабсолютистское философствование, абсолют, всеобщее

Для цитирования: Тарасов О. В. «Абсолют» как предмет научной философии (часть 1) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 92–97. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-92-97.

Original article

“THE ABSOLUTE” AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC PHILOSOPHY (part 1)

Oleg V. Tarasov

Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak Branch), Sterlitamak, Russia, ovtarasov@mail.ru, 0000-0002-0250-5788.

Abstract. The purpose of this two-part study is to contribute to solving the problem of defining the subject of scientific philosophy. In the first part, widespread concepts of an absolutist nature are criticized on the basis of a non-absolutist or scientific-positivist (rational-critical) methodology. In such concepts, the subject of scientific philosophy is considered to be the “absolute” (“universal”, “the world as a whole”, etc.) as a genuine superconceptual being. It is shown that the absolutist approach raises many questions and doubts, which makes this problem relevant.

Keywords: subject of scientific philosophy, absolutist and non-absolutist philosophizing, absolute, universal

For citation: Tarasov OV. “The Absolute” as a subject of scientific philosophy (part 1) (In Russ.). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(9(491):92-97. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-92-97.

Введение

Актуальность темы исследования определяется фактическим отсутствием общезначимого ясного и последовательного понимания предмета научно-философского познания. Если говорить обобщенно о распространенных в литературе определениях предмета научной философии, то в этом множестве, на наш взгляд, можно выделить два основных концептуальных подхода, по своему характеру противоположных друг другу. Один из них – мы называем его абсолютистским — ведет, по всей видимости, к различным

вариантам научно неудовлетворительного (не отвечающего общепринятым критериям научности, при всей их мягкости, гибкости и т.п.) понимания предмета научной философии. В результате философия, претендующая на научный статус, оказывается философией не научной, а лишь наукообразной и даже, по сути, псевдонаучной. Другой подход (его мы называем неабсолютистским или рационально-критическим, эмпирическим, научно-позитивистским) вполне способен привести к научно удовлетворительному определению предмета научной философии и, соответственно, помочь развитию именно такого рода философского знания, но пока эта задача должным

образом не решается. Отсюда наша цель — критически рассмотрев идеи предшественников, предложить более перспективный, более совершенный (четче и последовательнее сформулированный) вариант неабсолютистского понимания предмета научной философии. В этой — первой — части статьи критически анализируются широко, по крайней мере, в нашей стране, распространенные концепции абсолютистского характера. В таких концепциях предметом научной философии считается «абсолют» («всеобщее», «мир в целом» и т.п.) как подлинное сверхпонятийное бытие. Мы стараемся показать, что такой подход к «абсолюту», по сути дела, ведет к путанице и недоразумениям, вызывает массу сомнений и вопросов. Именно данное обстоятельство делает интересующую нас проблему актуальной и стимулирует исследование.

Анализ идейного содержания абсолютистского подхода

Современные абсолютистские определения предмета научно-философского познания восходят, по-видимому, к соответствующим представлениям, прежде всего, Платона, Аристотеля, Г. В. Ф. Гегеля и Ф. Энгельса. Эти очень разные мыслители были едины в своих взглядах на то, что они считали подлинной, настоящей философией. Такая философия, по их мнению, не просто имеет научный характер, а является наукой в высочайшей степени, сравнительно со всеми прочими научными дисциплинами, так называемыми конкретными или частными науками. Статус философии как высшей науки напрямую связывался этими философами как раз с ее предметной областью, кардинально отличающейся от предметных областей всех частных наук. Согласно Аристотелю, предметом философии как «науки о божественном» является именно наиболее «общее» божественное бытие, не доступное другим наукам и представляющее собой предельные или «первые причины» и «первоначала» «бытия всего остального» [1, с. 67–68, 95, 151–152, 189–190, 198, 308, 311, 302, 314, 182, 285–286]. По мнению Г. В. Ф. Гегеля, если частные науки изучают лишь «конечные предметы и явления», то предметом философии выступает опять-таки «бог», или «абсолютное», или «всеобщее». Это, кстати, тесно сближает, но все-таки не отождествляет философию с религией, так как один и тот же для этих видов познания предмет философия понятийно мыслит, а религия лишь образно представляет [3, с. 56–89]. Наконец, Ф. Энгельс

считал, что предметом научной философии (диалектики или науки, по его выражению) являются «всеобщие законы движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [15, с. 145]. Вероятно, именно с интересом философии к «общему» («всеобщему», «наиболее общему») Ф. Энгельс связывал ее способность целостно и упорядоченно осмысливать тот огромный, но разрозненный эмпирический материал, что во все большем объеме добывается учеными, представляющими отдельные науки. Сами ученые, как правило, редко обладают указанной способностью целостного («диалектического») мышления в силу узкой предметной специализации своего познания [15, с. 14, 22; 17, с. 301–302; 16, с. 582, 366–371, 519–520, 524–525].

Среди современных сторонников абсолютистского подхода относительно редко, по всей видимости, но все-таки встречаются исследователи, прямо называющие в качестве предмета научной философии «абсолют». Так, например, у В. С. Хазиева и Е. В. Хазиевой одним из определений философии через ее предметную область является следующее: «философия — наука о бытии абсолюта в человеке и через человека» [13, с. 698]. Данные авторы не только о предмете, но и о характере философского познания говорят примерно в том же ключе, что и Г. В. Ф. Гегель. Немецкий мыслитель в свое время утверждал, что философия «соединяет в себе» религиозность и научность как «два момента человеческой жизни» [3, с. 86–87]. В. С. Хазиев и Е. В. Хазиева похожим образом пишут о науке и религии как об односторонних (рациональном и иррациональном, соответственно) способах познания, пытавшихся «обособиться от философии», но, все-таки, «дозревающих» «до понимания, что они лишь части общего философского постижения мироздания и человека» [13, с. 696]. Поскольку в научном сообществе ни одна из частных наук не рассматривается как имеющая доступ к исследованию «бытия абсолюта», а также как деятельность, сочетающая в себе научный и религиозный способы познания, В. С. Хазиев и Е. В. Хазиева вынуждены указывать на особый характер научности, присущий философии. По их мнению, философия научна «не в смысле современного «научного» понимания науки... а именно в философском смысле статуса науки», «в метафизическом смысле» [13, с. 698]. Именно в таком виде (далеком от общепризнанных специфических черт научной деятельности) рассматриваемая в качестве науки философия оценивается данными авторами как подлинная или «истинная наука».

Рассуждения В. С. Хазиева и Е. В. Хазиевой вызывают серьезные сомнения и вопросы. Например, непонятно, что свидетельствует о «дозревании» науки и религии «до понимания, что они лишь части» единого и целостного философского познания «абсолюта»? По крайней мере, многочисленные высказывания научных и религиозных деятелей – ученых и теологов – о соотношении философии, науки и религии представляют собой настолько разнообразный набор мнений, что их однозначная интерпретация в ключе, предполагаемом В. С. Хазиевым и Е. В. Хазиевой, совершенно невозможна. Скажем, в работах по соответствующей тематике А. Эйнштейна и М. Планка [14; 8] встречаются идеи, которые с большим или меньшим трудом можно истолковать в духе тесной плодотворной связи науки, философии и религии. Относительно же идей в аналогичных работах З. Фрейда или М. Рьюза, С. Л. Франка или М. Бубера [12; 10; 11; 2] такого рода толкование представляется весьма проблематичным. Кроме того, если не только наука является частью философии, но и религия, то получается, что философия — это не только истинная наука, по словам В. С. Хазиева и Е. В. Хазиевой, но и истинная религия. Продолжая размышлять в данной логике, приходим к тому, что философия суть и истинное искусство, и истинный спорт, и т. д. едва ли не до бесконечности. Как же все это увидеть ясным для всех здравомыслящих людей образом, коль скоро В. С. Хазиев и Е. В. Хазиева всех нас призывают именно «к ясному видению складывающейся картины» философского постижения «абсолюта»?

Значительно чаще сторонники абсолютистского понимания научной философии в качестве ее предмета называют все-таки не «абсолют», а «самое общее», «всеобщее», «мир в целом», «реальность во всей своей целостности» и т. п. (как правило, в соотношении с человеком) [4; 5; 6; 7; 9]. Однако такое переименование, на наш взгляд, ничуть не способствует прояснению ситуации с определением как предмета, так и характера научной философии. Убедимся в этом. Так, В. В. Орлов настаивает, что только в марксизме или диалектическом материализме «программа создания научной философии... была принципиально реализована», причем научность философии – это научность «особого рода», поскольку предметом философии является «всеобщее» или «сущность бесконечного мира» [7, с. 10–11]. Снова мы видим довольно спорный тезис о научности философии «особого рода», каковая,

конечно, должна принципиально отличать познание философов от познания физиков, биологов, социологов и ученых других специальностей, не претендующих на постижение «всеобщности и бесконечности» бытия или мира. Проблематичность этого тезиса состоит не только в том, что он в марксизме неявным образом связан с идущей от Г. В. Ф. Гегеля идеей о соединении в философии научности и религиозности. К сомнениям в нем ведет еще и то обстоятельство, что центральные положения диалектического материализма совершенно не убеждают нас в такой же значительной степени, в какой убеждают достижения физики или других частных наук. Сомнительно, к примеру, что в материализме, как в соответствии с марксистской традицией пишет А. В. Ерахтин, «решены вопросы о материальной сущности мира, о его бесконечном развитии и принципиальной познаваемости» [4, с. 22]. Это и подобные ему положения, поскольку получены внеэмпирическим путем в силу своего всеобщего (абсолютного) характера, не могут быть научно подтверждены, так как наука в любой обозримой перспективе эмпирически ограничена. Если бы такого рода положения на самом деле находили научное подтверждение, все ученые, скорее всего, были бы диалектическими материалистами. Но нет, фактически только некоторые из них являются последователями данного философского направления. А ведь есть еще и такие ученые, кто, как А. Эйнштейн, например, опираются на некое внеконфессиональное «космическое религиозное чувство». А также те, кто, подобно М. Планку, предпочитает ориентироваться на иудео-христианскую традицию, или, как Э. Шредингер, — на восточную мудрость, или, как Т. Г. Гексли, — на агностицизм. В общем, очевидно, что мировоззренческие интерпретации (или философские основания, как их обычно называют) научных теорий могут быть самыми разными.

И последователи Г. В. Ф. Гегеля, и марксисты, будучи философами-абсолютистами, склонны, насколько мы можем судить, рассматривать научную философию как единственную настоящую философию, не оставляющую, по сути, какого-либо значимого места ненаучному способу философствования. Однако не все современные философы-абсолютисты придерживаются подобных взглядов. Среди них есть и такие исследователи, кто признает как раздвоенность философии на научный и ненаучный типы, так и вполне философский характер ненаучного философствования [5; 6; 9]. Впрочем, такого рода признание

не избавляет их концепции от множества неясных, вызывающих сомнения и вопросы, идейных положений, коль скоро предметом философии здесь опять-таки называется «всеобщее» как сверхпонятийная подлинная реальность. В качестве примера возьмем идеи А. Ф. Кудряшева и О. И. Елховой. Во-первых, по их мнению, «всеобщее» и конкретное соотносятся как объекты интереса философии и частных наук, соответственно. Авторы утверждают, что философии для постижения «всеобщего» следует рассматривать его вместе со всем конкретным, которое в своем «целостном синтезе» образует предпосылку изучения «всеобщего». И хотя «частные науки могут превосходить философию в постижении глубины конкретного... всеобщее и универсальное знание о мире может дать только философия» [5, с. 356]. Во-вторых, А. Ф. Кудряшев и О. И. Елхова, признавая значительные трудности в характеристике научного философствования, связанные с его неизбежной идеологизацией, все-таки признают научный статус за определенной частью философии. С их точки зрения, в рамках научной философии в «соответствующую историческую эпоху строится определенная научная картина мира, то есть система принципов (включая философские), фундаментальных фактов, законов научных теорий и других фундаментальных объектов, входящих в теоретизированные миры всей совокупности наук» [5, с. 357].

Сомнительность только что изложенных идей представляется не столь явной, как у других философов, признающих в качестве предмета философии «всеобщее» или «абсолют» как нечто, находящееся вне человеческого сознания. Научная философия, по мнению А. Ф. Кудряшева и О. И. Елховой, — это все-таки лишь ограниченная и не имеющая привилегированного статуса часть философского творчества, а не «истинная» наука «особого рода». Но, все-таки, в их суждениях, как нам кажется, присутствуют вызывающие вопросы и возражения моменты. Например, так ли уж важно для философа научного типа, занимающегося построением общей научной картины мира из «теоретизированных миров всей совокупности наук», предметно заниматься «всеобщим» как реальностью, объединяющей, по-видимому, «все» без малейшего остатка, по сути дела, непонятным «абсолютом»? Ведь отдельным наукам всегда доступны пусть и синтезируемые, но лишь ограниченные части этого темного и малопонятного «всего», части, которые даже всем богатством своей конкретики и при всем

их синтезе просто не способны воссоздать мир во всей его полноте и целостности, воссоздать настоящее всеохватывающее «всеобщее». Далее, что имеется в виду под «философскими принципами», включаемыми в качестве компонентов в создаваемую научную картину мира? Ведь если эти принципы разработаны в философских учениях ненаучного типа, то их совместимость с наукой, вероятно, будет проблематичной, и итогом может оказаться, к примеру, система Г. В. Ф. Гегеля — натурфилософия, дополненная философией объективного и субъективного духа. А если принципы для научной картины мира разрабатываются в философских концепциях научного типа, то, чем они отличаются от собственно научных принципов? Например, позитивистские принципы верифицируемости и фальсифицируемости — это принципы науки или философии? Возможно, их допустимо зачислять в оба «ведомства» при определенных условиях. На наш взгляд, если делать акцент на мировоззренческих последствиях применения данных принципов (как при их обсуждении К. Поппером, пытавшимся противопоставить науку психоанализу и марксизму), то оправдано относить их к философии (научной). Если же их обсуждение ограничивается внутринаучными аспектами (например, вопросами целесообразности или нецелесообразности модификаций проверяемых и критикуемых теорий), то правильнее, наверное, считать их собственно научными. В общем, чтобы снять сомнения и вопросы, нужны те или иные уточняющие пояснения. Здесь мы завершаем первую, по преимуществу критическую, часть нашего исследования.

Заключение по части 1

Основной результат, который, по нашему мнению, может быть зафиксирован на данном этапе работы, заключается в демонстрации недостаточной обоснованности и неубедительности широко распространенного положения о том, что предметом научной философии является «абсолютное бытие» (или «всеобщее») как некая подлинная вне сознания человека находящаяся реальность. Во второй, в основном конструктивной, части исследования мы постараемся предложить некоторые соображения для развития (уточнения) начатой в неабсолютистской позитивистско-эмпирической традиции разработки научно обоснованного подхода к определению предмета научной философии.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика: Пер. с древнегреч. // Сочинения: В 4 т. Ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63–367.
2. Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем. / под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. М.: Республика, 1995. 464 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14-ти т. Т. IX. Лекции по истории философии. Кн. 1. М.: Партийное издательство, 1932. 339 с.
4. Ерахтин А. В. Предмет, специфика и структура философского знания // Вестник Ивановского государственного университета. 2016. № 2 (16). С. 17–31.
5. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Является ли философия наукой? // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 354–357.
6. Момджян К. Х. О структуре рефлексивного философского знания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 128–145.
7. Орлов В. В. XXI век и проблема научности философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 1. С. 4–13.
8. Планк М. Религия и естествознание // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 25–36.
9. Рахматуллин Р. Ю. Философия как наука [Электронный ресурс] // Российский электронный научный журнал. 2014. № 1 (7). С. 88–96. URL: http://journal.bsau.ru/directions/09-00-00-philosophical-sciences/index.php?ELEMENT_ID=324 (дата обращения: 04.04.2024).
10. Рьюз М. Наука и религия: по-прежнему война? // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 36–57.
11. Франк С. Л. Философия и религия // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. С. 319–335.
12. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева: Перевод. М.: Политиздат, 1989. С. 94–142.
13. Хазиев В. С., Хазиева Е. В. Философия как наука // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1 (I). С. 693–698.
14. Эйнштейн А. Эволюция физики. Сборник. М.: Устойчивый мир, 2001. 264 с.
15. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. С. 3–338.
16. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. С. 339–626.
17. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. С. 269–317.

Reference

1. Aristotel'. Metafizika: Per. s drevnegrech. Works: In 4 vol. V. F. Asmus (ed.). Moscow: Mysl' Publ., 1976. Vol. 1. Pp. 63–367. (In Russ.).
2. Buber M. Dva obraza very: Per. s nem. / P. S. Gurevicha, S. YA. Levit, S. V. Lezova (ed.). Moscow: Respublika Publ., 1995. 464 p. (In Russ.).
3. Gegel' GVF. Sochineniya [Works]: in 14 vol. Vol. IX. Lektsii po istorii filosofii. Kn. 1. Moscow: Partiinoe izdatel'stvo Publ., 1932. 339 p. (In Russ.).
4. Erakhtin AV. Predmet, spetsifika i struktura filosofskogo znaniya. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016;(2(16)):17-31. (In Russ.).
5. Kudryashev AF, Elkhova OI. Yavlyaetsya li filosofiya naukoj? *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2017;(10 (113)):354-357. (In Russ.).
6. Momdzhyan KH. O strukture reflektivnogo filosofskogo znaniya. *Filosofskij zhurnal* [Philosophy Journal]. 2023;16(1):128-145. (In Russ.).
7. Orlov VV. XXI vek i problema nauchnosti filosofii Vestnik Permskogo universiteta. *Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2010;(1):4–13. (In Russ.).
8. Plank M. Religiya i estestvoznanie. *Voprosy filosofii*. 1990;(8):25-36. (In Russ.).

9. Rakhmatullin RYu. *Filosofiya kak nauka Rossiiskii ehlektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2014;(1(7):88-96. Available from: http://journal.bsau.ru/directions/09-00-00-philosophical-sciences/index.php?ELEMENT_ID=324 (accessed: 04.04.2024). (In Russ.).
10. R'yuz M. *Nauka i religiya: po-prezhnemu voina? Voprosy filosofii*. 1991;(2):36-57. (In Russ.).
11. Frank SL. *Filosofiya i religiya Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie / P. V. Alekseev (ed.)*. Moscow: Politizdat Publ., 1990. Pp. 319–335. (In Russ.).
12. Freid Z. *Budushchee odnoi illyuzii Sumerki bogov / AA Yakovleva (ed.)*: Perevod. M.: Politizdat Publ., 1989. Pp. 94–142. (In Russ.).
13. Khaziev VS, Khazieva EV. *Filosofiya kak nauka Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2012;17(1(I):693-698. (In Russ.).
14. Ehnshtein A. *Ehvolutsiya fiziki. Sbornik*. Moscow: Ustoichivyi mir Publ., 2001. 264 p. (In Russ.).
15. Ehngel's F. *Anti-Dyuring Marks K., Ehngel's F. Works. Izd. 2-e. Vol. 20*. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit-ry Publ., 1961. Pp. 3–338. (In Russ.).
16. Ehngel's F. *Dialektika prirody Marks K., Ehngel's F. Works. Izd. 2-e. Vol. 20*. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit-ry Publ., 1961. Pp. 339–626. (In Russ.).
17. Ehngel's F. *Lyudvig Feierbakh i konets klassicheskoi nemetskoj filosofii Marks K., Ehngel's F. Works. Izd. 2-e. Vol. 21*. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit-ry Publ., 1961. Pp. 269–317. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Тарасов — кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории и философских дисциплин.

Information about the author

O. V. Tarasov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of General History and Philosophical Disciplines.

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 20.10.2024.

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 20.10.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests